

**ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ ЭЛИТ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Ляховенко Олег Игоревич – аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Вопрос о роли и участии научной элиты в политическом процессе России находится на стыке практического анализа постулатов теорий "постиндустриального общества" и "общества знания", с одной стороны, и теоретического и концептуального обобщения реально сложившихся общественных и политических практик принятия решений – с другой. Участие в практиках принятия решений носит весьма специфические черты: в значительной степени оно еще не вышло на уровень формальной институционализации возможности влияния научной элиты на принятие стратегических решений, ее рекрутирования в состав политического класса ограничено. В то же время влияние научных элит можно охарактеризовать как значимое на стадии реализации выработанных решений, а также в процессе аналитического сопровождения текущей операционной деятельности государственных органов.

Ключевые слова: Научные элиты, политические элиты, принятие политических решений, политический процесс в России.

Питання про роль та участь наукової еліти в політичному процесі Росії знаходиться на перетині практичного аналізу постулатів теорій "постіндустріального суспільства" і "суспільства знання", з одного боку, та теоретичного і концептуального узагальнення громадських і політичних практик ухвалення рішень, які реально склалися, – з іншого. Участь у практиках прийняття рішень має досить специфічні риси: значною мірою вона ще не вийшла на рівень формальної інституціоналізації можливостей впливу наукової еліти на ухвалення стратегічних рішень, її рекрутування до складу політичного класу є обмеженим. У той самий час вплив наукових еліт можна охарактеризувати як істотний на стадії реалізації розроблених рішень, а також у процесі аналітичного супроводу поточної операційної діяльності державних органів.

Ключові слова: наукові еліти, політичні еліти, ухвалення політичних рішень, політичний процес в Росії.

The issue of the role and participation of the scientific elite in the political process in Russia is at the junction of practical analysis of the postulates of theories of "postindustrial society" and "knowledge society", from one side, and theoretical and conceptual generalization of established social and political practices of decision making – from the other one. Participation in decision-making practice has very specific features: to a large degree it has not reached the level of formal institutionalization, the ability of scientific elite to influence the strategic decision-making process; also its recruitment to the political class is limited. At the same time, the influence of the scientific elite can be described as significant at the stage of implementation of elaborated solutions and also during analytical maintenance of current operational activity of public authorities.

Keywords: scientific elites, political elites, political decision-making, political process in Russia.

Актуальность анализа роли научной элиты и степени ее влияния на политический процесс и принятие управленческих решений в России определяется тем, что фактически данный вопрос располагается на пересечении сразу нескольких значимых предметных полей, находящихся в фокусе внимания политической науки.

С одной стороны, данная проблема является прямым "практическим" следствием макросоциальных подходов, изучающих влияние современных процессов в сфере развития науки, техники, технологии и средств коммуникации и связи на общественную (в широком) и общественно-политическую (в узком смысле) жизнь. Анализируя концептуальные подходы Дж. Гэлбрейта [2], Д. Белла [6], Э. Тоффлера [5], рассуждающих о техноструктуре, "метаморфозах власти" [4], обществе знания, мощной трансгрессии в сторону постиндустриального общества и "третьей волны" [5], мы прямо подходим к тезису о *возрастающей роли знания*¹ в организации социальных процессов и жизни общества как такового. Следующим логически шагом является предположение, что с учетом соответствующих "вводных" научная

© Ляховенко О.И., 2013

¹ С одной стороны, научного и теоретического, и с другой стороны – уникального и неспециализируемого.

элита как носитель одновременно знания и методологии его применения к практическим процессам должна в том или ином виде получать доступ к властным рычагам общества, в том числе его "стержневого" института – государства. Прямой практический вопрос, следующий из этого предположения – насколько научные элиты реально представлены в действующей конфигурации властной элиты?

С другой стороны, выход на тему возможен и через более практические вопросы, не связанные с выходом на уровни глубокого социального и социально-философского абстрагирования. Речь идет о генезисе, качественных характеристиках, особенностях рекрутирования и специфике внутренней организации российской политической элиты – теме, интерес к которой объективно растет как со стороны международных исследовательских центров и структур, так и со стороны отечественных исследователей. Наиболее ярким показателем является количество диссертаций на соискание ученых степеней по политическим и социальным наукам, защищаемые российскими исследователями, начиная с первой половины 1990-х гг., с характерными маркерами "политическая элита России", "трансформации политической элиты России", "особенности формирования региональной элиты" и т.п.² [1], [3]. Как следствие, возникает тот же вопрос, как в политической элите представлены выходцы из научной элиты, в какой степени к властным рычагам допущена научная элита и т.д. Важно и то, что в данном аспекте вопрос о политических элитах тесно смыкаются с более общими вопросами госуправления, государственной политики, национальной политической традиции и т.д.

На стыке двух этих блоков возникает достаточно широкое "неизвестное" пространство, требующее практического исследования и последующего теоретического обобщения, осмысления и концептуализации. Фактически же проблему можно сформулировать так: как и насколько представлена научная элита России в системе принятия стратегических политических и управленческих решений, насколько она способна влиять на политический процесс, а также в чем состоит специфика этого присутствия и влияния.

Серьезные вопросы связаны с тем, как и в каких терминах понимать и описывать научную элиту как таковую. Здесь есть целый ряд проблемных аспектов. Первый возникает, когда мы анализируем научную элиту "в себе", т.е. как некую группу внутри академического сообщества. Даже здесь неизбежно разделение подходов, как минимум, по трем осям: вклад в науку и степень научных достижений; административная вертикаль (фактически элементы "микрополитики" и собственной организационной иерархии внутри научного сообщества); признание со стороны общества и "влияние" на общество. Если же мы рассматриваем научную элиту как некую специфическую социальную группу, включающую в себя часть академического сообщества, но не сводимую только к нему, то неизбежно возникает вопрос о критерии расширения понятия. Своего рода "предельными" (и потому наиболее грубыми) маркерами в таком случае оказываются максимально очерчивающие круги, такие как "наличие высшего образования"/научной степени, либо характер деятельности (преимущественно интеллектуальная либо тесно связанная к современными системами и средствами производства и коммуникации). Однако и здесь нужно поставить – или, по возможности, обозначить – некие принципиальные рамки, иначе мы сталкиваемся с риском нивелировать содержательное наполнение данного понятия.

В этом случае корректно будет говорить, во-первых, о "научных элитах" как об отдельных и самостоятельных социальных группах, зачастую имеющих сетевой принцип организации, даже если для удобства языкового использования они иногда могут именоваться в единственном числе ("научная элита"). Во-вторых, критерием соотношения является именно характер деятельности, но с важными уточнениями: обладание систематизированным, фундаментальным методологическим инструментарием (интеллектуальным аппаратом) и его дальнейшее применение к решению проблем теоретико-научного либо практико-прикладного характера. Отличие от многочисленных общественных деятелей, активистов, лидеров мнения и проч. в данном случае состоит как раз в "базовой" фундаментальной подготовке с опорой на системные знания.

С учетом обозначенных выше предпосылок мы формулируем ключевую проблему исследования – границы и возможности для влияния и (или) участия научной элиты на политический процесс в России. Фактически же речь идет о том "поле возможностей", на котором в том или ином виде может проявлять себя научная элита в системе политических отношений и взаимодействий субъектов (прежде всего, ключевого субъекта – государства). Соответственно, целями нашего исследования являются понимание (как минимум – в общем виде, на уровне "первого приближения") реального влияния научной элиты на политический процесс, оценка степени его возможного влияния с учетом конкретной исторической и общественно-политической ситуации, а также выявление специфических черт этого влияния. Второстепенными целями являются формирование предпосылок для дальнейшей концептуализации

² В связи с этим примечательно также и то, что данные диссертации защищаются как непосредственно «людьми из науки», представителями академического сообщества, так и «практиками», чья деятельность в меньшей степени связана с академической наукой и в большей – с политическим консультированием политических акторов и государственных органов.

отношений "власти и знания" на современном этапе истории России, а также определение возможных направлений для "переустановки" этих отношений, в т.ч. с учетом изначальной предпосылки – расширения присутствия носителей научного знания в системе принятия властных решений.

Несмотря на актуальность и практическое звучание темы, в настоящее время существует объективная недостаточность ее теоретической и концептуальной проработки в научном сообществе. Основные исследования традиционно посвящены смежным вопросам, на стыке которых находится проблематика политической роли "научных элит": широким макросоциальным подходам и моделям (значимые общественные трансформации под влиянием процессов НТР), особенностям формирования и специфике рекрутирования политического класса в России, узким вопросам взаимодействия политических и бизнес-элит (в том числе в контексте проблематики лоббизма, GR), особенностям инновационного развития и практикам государственной и бизнес-поддержки перспективных разработок и стартапов³.

Поэтому в качестве рабочей модели для целей нашего исследования мы предлагаем собственную синтетическую политико-социологическую концепцию анализа. Ее основой является широко разработанная в рамках неинституциональных исследований предпосылка о принципиальном различии формальных правил ("предписывающих жизни" регламенты поведения) и реальных практик (содержательно наполняющих политический процесс и составляющих его)⁴. В рамках нашей модели мы будем рассматривать научные элиты как социальную группу или социальный слой⁵, который в макросоциальном масштабе занимает определенной место в системе принятия политических и управленческих решений, влияющих на развитие социума. При этом предметом нашего анализа будет не то, как с точки зрения формальных норм выстроена работа аналитических советов, исследовательских фондов и консалтинговых фирм, взаимодействующих с политическими акторами, либо их внутренних аналитических служб, а содержательные и процедурные аспекты участия научных элит в выработке ключевых политических решений.

На стадии перехода к непосредственному эмпирическому исследованию мы оказываемся перед определенной "методологической развилкой". Первый из возможных сценариев можно назвать общим "количественным" (или "объективированным") подходом, ориентированным на сбор и обработку массива биографической и статистической информации о политиках, чиновниках, научных и общественных деятелях и т.д. Второй сценарий можно определить скорее как "качественный", или "субъективный": через систему фокусированных экспертных интервью среди представителей властной и научной элиты выявить представления ("факты") о присутствии научной элиты в политической сфере, о степени ее влияния на процессы и решения. Оба способа имеют собственные издержки, связанные не столько с технической процедурой, сколько с "реальными" внутренними ограничениями, которые так или иначе оказываются заложенными в них.

Одна из ключевых проблем, связанных с "количественным" подходом, состоит в объективных сложностях с операционализацией понятий, их четким распределением и выделением в рамках предметного поля. С одной стороны, "элитное пространство" России еще не прошло достаточную степень формализации и дифференциации, экономическая, политическая, административная вертикали во многом "слиты", неразличены⁶. Следовательно, достаточно сложно говорить о том формальном институциональном каркасе, понимание которого даст однозначное и четкое представление о том, как работает политический механизм. С другой стороны, такие "испытанные" и "надежные" методы, как биографический анализ, социологические замеры образования и карьерной траектории также вряд ли дадут нам приблизиться к реальному пониманию ситуации⁷.

В то же время, серьезные методологические проблемы связаны и с применением "субъективистских" подходов, направленных на выявление мнения и "знаний" людей, в том или ином виде

³ Такой вывод можно сделать, например, при анализе результатов запросов по ключевым словам, сделанным в базах данных защищаемых в России диссертаций по политологическим и социологическим специальностям (в т.ч. в Российской государственной библиотеке).

⁴ См. работы Д. Нортона, Р. Коуза, А. Аузана и др.

⁵ Как мы уже уточняли и конкретизировали выше, нелинейно организованный и выстроенный по сетевому признаку.

⁶ Например, если мы возьмем регулярный ежемесячный рейтинг «Независимой газеты» (www.ng.ru) наиболее влиятельных политиков России (даже со всеми оговорками о том, что этот рейтинг составляется путем экспертного опроса), то увидим, что в нем достаточно мало «чистых политиков» в том понимании, которое вкладывается в этот термин на Западе, в Европе и США. Большую часть рейтинга (до 95%) составляют не депутаты, партийные функционеры, сенаторы, губернаторы и проч., а чиновники, представители госкомпаний, выходцы из бизнеса и т.п.

⁷ Фактически, мы буквально с начала обнаруживаем, что большинство депутатского и чиновничьего корпуса, особенно их высшие эшелоны, практически на 100% обладают высшим образованием (или несколькими), степенями и т.д. При этом фактически «не работает» критерий различения «гуманитариев» и «технарей»: большинство «технарей» после прихода в политика, как правило, либо получило дополнительное образование по гуманитарным специальностям (юридическое, экономическое, по госуправлению, политологии, социологии), либо получило соответствующую «гуманитарную» степень.

соприкасающихся с политической сферой непосредственно в процессе своей практической деятельности, о политической элите и процессе принятия решений в ней. В известном смысле здесь в полной мере срабатывает та же самая "закрытость" и "неразделенность" элиты и политического класса России, которые серьезно затрудняют процессы операционализации и формализации на уровне государственных институтов, но уже с другой стороны. Принимая за отправную точку факт общей "закрытости" элиты, мы вынуждены признать и существующую информационную закрытость элиты – как некое универсальное правило данной корпорации. Следовательно, никакие "внутренние инсайды" в действительности таковыми не являются, а их многочисленные появления в СМИ скорее являются специфической общественной практикой насыщения информационного пространства либо особой формой политической коммуникации, но вовсе не реальным знанием внутренних процессов и отношений, свойственных элите.

С учетом этих факторов мы определили формат нашего исследования как серию фокусированных экспертных интервью среди представителей научной элиты России (с учетом той специфики, которую мы определили выше), в своей практической деятельности тесно соприкасающихся с политической сферой. Исходя из требования максимальной диверсификации "выборки", в число интервьюеров вошли академические научные работники, "точечно" и на нерегулярной основе участвующие в политических процессах, политтехнологи, имеющие личный опыт региональных избирательных кампаний, представители аналитических структур, как достаточно близко взаимодействующих с различными политическими акторами и государством, так и независимых центров и структур, сотрудники аппаратов и административных структур, чей статус представителей научной элиты достаточно тесно сближается со статусом чиновников – всего более 10 человек к настоящему времени. По "стажу" и "практическому опыту" взаимодействия с политикой выборка также достаточно диверсифицирована (разброс возраста интервьюируемых – от 30 до 60 лет).

Поскольку ключевой задачей исследования было не "извлечение" каких-либо "эксклюзивных" знаний, а понимание общих процессов и тенденций, выявление наиболее общих специфических черт, связанных с участием научной элиты в политическом процессе, это в какой-то степени обусловило особенности полученных результатов исследования.

В настоящее время исследование продолжается, причем как по проведению новых интервью, так и в обработке полученных материалов, однако уже на текущей стадии можно сделать ряд выводов.

Большинство опрошенных указало на необходимость принципиального разделения уровней принятия решений и их реализации на практике. В той степени, в какой процесс выработки стратегических политических и управленческих решений носит закрытый характер, можно говорить о том, что научная элита как таковая не принимает в нем участие либо по факту исключена из него. Максимальная степень участия в таком случае возможна на стадии подготовки, однако она не создает условий для влияния на содержательное наполнение этого решения. Напротив, уже на стадии исполнения принятого политическими элитами решения участие научной элиты можно оценить как достаточно серьезное. Именно здесь ее влияние проявляется в максимальной степени.

Следующую линию разделения можно провести по уровням принятия решений. Хотя из принятия и обеспечения стратегических решений научная элита в значительной степени также исключена, наиболее плотной сферой участия научной элиты является аналитическое и консультативное сопровождение текущей операционной деятельности государственных органов – Администрации Президента РФ, Правительства РФ, министерств, глав субъектов РФ.

Наконец, еще одна важная линия "водораздела" проявляется в отраслевой специфике. Наиболее плотно не только востребован, но и используется потенциал экономистов и в целом специалистов, обслуживающих работу таких институтов, как ЦБ РФ, Минфин, Минэкономразвития, ФСФР. В меньшей степени, но также значим "спрос" на социологов, причем на всех уровнях, включая регионы. Наиболее сложный вопрос связан с участием политологов и специалистов в сфере политических наук.

Также необходимо обратить внимание на временную динамику: фактически, влияние научной элиты, а равно и ее присутствие во властных иерархиях, проявлялись достаточно неравномерно на разных временных этапах начиная с 1990-х гг.. В настоящем времени существуют определенные предпосылки для расширения такого участия, причем как в статусе "свободных консультантов" (естественное следствие общей либерализации избирательного законодательства, в т.ч. на региональном уровне), так и при тесном взаимодействии с государством.

Кроме того, большинство опрошенных экспертов сходятся в оценках того, что у власти и большинства ее носителей присутствует некоторое субъективно-личностное представление о глубинной связи между наукой и политикой. В какой-то степени это объясняется советским опытом и существующим в идеологии СССР тезисом о возможности выявлять и постигать законы общественного развития с тем, чтобы

строить государственную политику в соответствии с выявленными закономерностями⁸. Практическим же следствием является в целом широко осознаваемая потребность в том, чтобы привлечь в политическую сферу кадрового потенциала, соединяющего управленческие навыки со способностью серьезного и глубокого видения ситуации (как раз свойственной носителям научного знания и научной методологии).

Практически все опрошенные отметили значимость такого фактора, как повышение социального статуса носителя знания в обществе. Также примечательно, что был назван такой аспект, как потеря в обществе статуса носителя фундаментального знания как значимой ценности и доминанты. Отмечается, что в средне- и долгосрочной перспективе это будет являться одним из серьезных негативных факторов не только для научной элиты и ее собственной "социальной судьбы", но и в целом – значимым вызовом в масштабах всего общества и политической системы. На стадии "рекрутинга" он начнет наиболее полно проявляться по мере "смены поколений" и естественного "старения" когорты наиболее активных представителей нынешней научной элиты. Особо остро ставится вопрос и о "кузницах кадров" для будущих научных элит.

В настоящее время исследование не завершено, данные результаты можно считать предварительными. Однако, даже на этой "промежуточной" стадии можно сделать ряд предположений об основных направлениях, по которым в дальнейшем будет выстраиваться логика исследования. Прежде всего, нам необходимо обратить дополнительное внимание на особенности временной динамики 1990-х-начала 2000-х гг. Кроме того, важно расширить часть исследования, связанную с осмыслением актуальных и непосредственно протекающих процессов. В дальнейшем это позволит выйти на формирование некоторой прогнозной модели, оценивающей перспективы и реальные возможности для расширения участия научных элит в политическом процессе России.

Наряду с уже представленными выводами (о роли системного, фундаментального образования в подготовке представителей научной элиты) необходимо отметить следующее. Запрос на расширение участия научной элиты в политическом процессе объективно существует, в значительной части его формулируют государственные структуры. Однако специфика этого запроса состоит в том, что востребованы прежде всего конкретные управленческие предложения, в том числе на уровне проектов законов и подзаконных актов. При этом сами представители научной элиты зачастую не считают данный аспект значимым для себя и потому ограничиваются созданием "интеллектуальных продуктов" (типа "анализа" и "прогноза").

При этом практически все интервьюированные отметили такой аспект, как повышение общественного статуса представителя научной элиты. С учетом общественной и культурно-исторической специфики России, очевидно, что решение данного вопроса, как и вопроса о формировании и поддержке "кузниц кадров" для научной элиты самого широкого, а главное, разного профиля, находится в значительной степени в сфере компетенции государства.

Наконец, третий вывод касается непосредственно научного сообщества, академического сообщества и научных элит. Важной задачей становится концептуализация накопленного опыта и специфики понимания развития российского политического процесса, особенностей выстраивания политических отношений и взаимодействия между политическими акторами, и в том числе – между научными и политическими элитами. Появление такой концептуальной схемы будет способствовать выстраиванию взаимоотношений между политическими, экономическими и научными элитами в более конструктивном и продуктивном русле. Одновременно ее появление будет крайне востребовано с точки зрения актуальных задач развития политической науки как учебной и академической дисциплины, осмысляющей Россию и шире – создающей наработки для обобщения опыта стран постсоветского пространства.

Литература:

1. Бадковский Д.В. Правящие элиты России: основные этапы становления и тенденции трансформации советской модели : автореф. дис. на соискание науч. степ. канд. полит. наук : спец. 23.00.02 "Политические институты и процессы" / Д.В. Бадковский. – М., 1997.
2. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М.: АСТ, 2004. – 602 с.
3. Крыштановская О.В. Трансформация российской элиты (1981-2003 гг.) : автореф. дис. на соискание научн. степ. канд. полит. наук : спец. 23.00.02 "Политические институты и процессы" / О.В. Крыштановская. – М., 2003.
4. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Э. Тоффлер; [Пер. с англ. Науч. ред., предисл. П.С.Гуревича]. — М.: АСТ, 2002. — 670 с.
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер М.: АСТ, 2010. – 784 с.
6. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / D. Bell. – N.Y.: Basic Books, 1973.

⁸ Вопросы о том, насколько и как эти выводы применялись в практическом аспекте, в данном случае не являются принципиальными для задач нашего исследования. Наиболее значим тот факт, что прежде всего в сознании элиты и ее основных управленческих структур присутствовало данное понимание.